
ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 111

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-203-212

К ОНТОЛОГИИ СВОБОДЫ

TO THE ONTOLOGY OF FREEDOM

В.Н. Финогентов**V.N. Finogentov**

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,
Россия, 302019, г. Орел, ул. Генерала Родина, 69

Orel state agrarian University named after N. V. Parahin,
69 Generala Rodina St, Orel, 302019, Russia

E-mail: v_fin@mail.ru

Аннотация

В статье критически рассматривается позиция авторов, которые, ссылаясь на достижения современных нейронаук, отрицают реальность свободы (воли) человека. В частности, показано, что эта позиция неявно подразумевает справедливость вполне определенной онтологии, которая в свою очередь основана на весьма спорных идеях преддетерминизма и монотемпорализма. Далее выдвигается и обосновывается гипотеза, согласно которой свободу (воли) человека можно «спасти» в рамках принципиально иной онтологии. Эта, иная, онтология, с одной стороны, отказывается от идеи преддетерминизма, с другой стороны, использует для описания темпоральных свойств человека как многоуровневого субъекта бытия множество разнокачественных времен (идея политемпорализма).

Annotation

The article critically examines the position of the authors who, referring to the achievements of modern neuroscience, deny the reality of human freedom (will). In particular, it is shown that this position implicitly implies the justice of a certain ontology. This ontology, in turn, is based on highly controversial ideas. First, it is based on the idea of pre-determinism, which States that the present is uniquely determined by the past. Second, it is based on the idea of monolingualism, suggesting that the Genesis of the universe can be ordered through a single (universal, global) time. Then the hypothesis is put forward and substantiated, according to which the freedom (will) of a person can be "saved" within the framework of a fundamentally different ontology. This – other-ontology, on the one hand, abandons the idea of pre-determinism, on the other hand, uses to describe the temporal properties of man as a multi-level subject of existence, many different times (the idea of polytemporalism). At the same time, a significant role in the "salvation" of human freedom (will) is played by the assumption of the presence of a certain structure in the continuing present, in which the corresponding subject of being resides and moves freely.

Ключевые слова: свобода (воли) человека, нейронаука, онтология, детерминизм, преддетерминизм, монотемпорализм, политемпорализм, собственное время, длящееся настоящее.

Key words: freedom (of the will) of man, neuroscience, ontology, determinism, predeterminism, monotemporalism, polytemporalism, own time, continuing to the present.

В последние годы многие авторы, ссылаясь на достижения нейронаук, отрицают реальность свободы (свободы воли) человека. Иначе говоря, они полностью отрицают способность человека к самоопределению. Они считают, что свобода воли человека, да и свобода человека как таковая – это всего лишь иллюзия. При этом их ничуть не смущают чрезвычайно серьезные правовые и этические следствия, вытекающие из такого – радикального – отрицания реальности свободы (свободы воли) человека. В противоположность таким авторам я полагаю, что объявление свободы человека иллюзией, по сути, представляет собой форму капитуляции перед сложностью проблемы свободы. Я отстаиваю позицию, согласно которой свобода человека не только реальна, но является конституирующим признаком человека. Другими словами, на мой взгляд, последовательное отрицание реальности свободы ведет к отрицанию наличия у человека качества активного, творческого, ответственного субъекта, то есть к превращению человека в марионетку природных или (и) социальных сил. Соответственно, я считаю свободу человека не иллюзией, а сложнейшей – многоуровневой и многоаспектной – проблемой. Это – древняя проблема, давно обсуждаемая проблема. Однако развитие человечества время от времени обнаруживает новые ее составляющие, а также актуализирует некоторые давно известные ее аспекты. Так, нынешний стремительный прогресс нейронаук, несомненно, актуализировал один из важнейших аспектов этой проблемы, ее онтологический аспект. Именно этот ее аспект я обсуждаю в предлагаемой вниманию читателя статье.

Теперь мы послушаем авторов, отрицающих реальность свободы воли человека, и познакомимся с некоторыми их аргументами. Так, Сэм Харрис, посвятивший свободе воли, «которой не существует», отдельную книгу, без всяких колебаний провозглашает: «Свобода воли – это иллюзия. Мы не творцы наших желаний. Мы не сознаем и не контролируем причины, вызывающие наши мысли и чувства. Наша свобода мнимая» [Харрис, 2018, с. 14]. Джерри Койн безапелляционно и даже радостно сообщает: «Наши мысли и действия – продукт деятельности компьютера, сделанного из плоти, наш мозг – это компьютер, который должен подчиняться законам физики. Таким образом, и выбор, который мы делаем, тоже должен подчиняться этим законам. Это кладет конец традиционной идее дуалистической или «либертарианской» свободной воли: согласно этой идее наши жизни состоят из серии решений, каждое из которых могло быть иным. Теперь мы знаем, что никогда не смогли бы поступить иначе...» [Койн, 2017, с. 224]. Известный американский нейропсихолог Майкл Газзанига, характеризуя атмосферу, сложившуюся в современной нейронауке, подчеркивает: «Доминирующая идея современной нейронауки заключается в следующем: благодаря всестороннему изучению мозга однажды мы поймем, как он порождает разум, и окажется, что тот подчиняется причинно-следственным связям, а значит, все предопределено» [Газзанига, 2017, с. 13]. (Впрочем, справедливости ради, следует сказать, что сам М. Газзанига не склонен соглашаться с этой «доминирующей идеей современной нейронауки».) А вот рассуждение на эту тему еще одного современного автора. «Представьте, – размышляет он, – что создан ваш идеальный двойник, функционально идентичная копия с точным подобием вашего молекулярного строения. Если поместить этого двойника в ту же ситуацию, в которой сейчас находитесь вы, где на него будут действовать те же сенсомоторные стимулы, то этот двойник по определению, не сможет действовать иначе, чем действуете вы. Этот взгляд широко распространен: попросту говоря, это взгляд естественных наук на мир. Текущее состояние физической вселенной всегда определяет ее состояние в следующий момент, а ваш мозг является частью этой вселенной» [Метцингер, 2017, с. 170]. В книге знаменитого британского нейрофизиолога Криса Фрита мы читаем: «Мы думаем, что делаем выбор, в то время как на деле наш мозг этот выбор уже сделал. Следовательно, ощущение, что в этот момент мы способны делать выбор, не более чем иллюзия. А если ощущение, что мы способны делать выбор, есть иллюзия, то такая же иллюзия – наше ощущение, что мы обладаем свободой воли» [Фрит, 2012, с. 109].

Разумеется, число подобных высказываний современных исследователей, объявляющих свободу (воли человека) иллюзией, можно было значительно умножить. Однако я не буду этим здесь заниматься, тем более, что уже приведенные формулировки вполне отчетливо выражают позицию таких авторов.

Анализу позиции авторов, отрицающих реальность свободы (воли) человека, необходимо предпослать одно, на мой взгляд, существенное терминологическое уточнение. Речь идет о понятии детерминизма. Дело в том, что детерминизм до сих пор зачастую истолковывается как концепция, утверждающая строго однозначный характер связей между предшествующими и последующими состояниями любых субъектов бытия. Если принять такое истолкование детерминизма, то позицию авторов, отрицающих реальность свободы (воли) человека, можно было бы охарактеризовать именно как детерминистскую. Как пишет в связи с этим Джерри Койн, «сейчас правят бал детерминизм и материализм» [Койн, 2017, с. 224]. Таким образом, вроде бы можно сказать, что признание реальности свободы (воли) человека несовместимо с детерминизмом. Соотношение так понимаемого детерминизма со свободой человека глубоко анализирует Ю. Хабермас в работе «Свобода и детерминизм» [2011, с. 143–171]. Представляется, однако, что указанное истолкование детерминизма является излишне узким. Более адекватным и более соответствующим традиции употребления понятий «детерминизм» и «детерминистский» в философии является истолкование детерминизма как концепции, утверждающей определенную степень упорядоченности и закономерности универсума. Соответственно, так понимаемый детерминизм не утверждает строгой однозначности связей между предшествующими и последующими состояниями всяких субъектов бытия. Он (так – более широко – понимаемый детерминизм) утверждает лишь наличие разнообразных форм преемственности между предшествующими и последующими состояниями изучаемых субъектов бытия. В таком случае, конечно, детерминизм не исключает признания реальности свободы (воли) человека, ибо наличие элемента свободы в деятельности субъекта совсем не отрицает преемственности между предшествующими и последующими состояниями этого субъекта. Такое признание несовместимо лишь с определенной, самой простой, формой детерминизма: с абсолютным (лапласовским) детерминизмом. Эту наиболее простую и прямолинейную форму детерминизма можно также вслед за И. Кантом назвать преддетерминизмом. Это понятие употреблено И. Кантом, например, в его известном рассуждении о том, что свобода человека состоит не в индетерминизме, а «в абсолютной спонтанности, которая *подвергается опасности только при преддетерминизме, согласно которому определяющее основание поступка находится в прошлом времени, стало быть, так, что теперь поступок уже не в моей власти, а в руках природы и неодолимо меня определяет*» [Кант, 1965, с. 54] (курсив мой – В.Ф.).

Внимательно анализируя позицию современных авторов, отрицающих реальность свободы (воли) человека, нетрудно убедиться в том, что они осознанно или неосознанно исходят именно из признания справедливости преддетерминизма. Иначе говоря, они убеждены в том, что прошлое однозначно и полностью определяет настоящее. А поскольку, естественно, прошлое не в нашей власти, то наши поступки в текущий момент времени в полной мере определяются нашим прошлым, прежде всего, – прошлыми состояниями нашей нервной системы. Таким образом, наши поступки, наши действия полностью определены нашим прошлым, и, следовательно, свобода человека (в частности свобода воли) – это иллюзия. При этом авторы, пишущие об иллюзорности свободы воли человека, ссылаются, как уже сказано, на результаты наблюдений и экспериментов, проведенных современными исследователями в области нейронаук. В частности, они ссылаются на нашумевшую работу Бенджамина Либета [Libet, Gleason et. al., 1983, p. 623–642] и на более современную статью Патрика Хаггарда [Haggard, Newman, Magno, 1999.]. Действительно, в указанных работах Б. Либета и П. Хаггарда убедительно показано, что к тому моменту, когда человек делает осознанный выбор в пользу совершения определенного действия, его мозг уже сделал этот выбор. Иначе говоря, в этих работах продемонстриро-

вано, что выбор, совершенный мозгом человека, опережает сознательный выбор, сделанный этим человеком. Причем названные (и другие) нейропсихологи установили, что выбор мозга опережает соответствующий сознательный выбор человека на вполне измеримую величину: примерно на 300 миллисекунд. Эти результаты интерпретируются теми, кто отрицает реальность свободы воли человека вполне однозначно. Приведу здесь соответствующее рассуждение С. Харриса. Он пишет: «За доли секунды до того, как вы осознаете, что вы будете делать в следующий момент ..., мозг уже принимает решение, как вам поступить. <...> И где же здесь свобода?» [Харрис, 2018, с. 18–19]. В другом месте он констатирует: «Что я сейчас сделаю и почему, по сути своей, тайна, – все целиком и полностью зависит от предыдущего состояния среды и законов природы (в том числе от влияния случайностей)» [Харрис, 2018, с. 54].

Для целей данной статьи важно подчеркнуть, что признание авторами, отрицающими реальность свободы человека, справедливости концепции преддетерминизма подразумевает принятие ими вполне определенной онтологии. Причем в глазах этих авторов, как правило, достаточно далеких от философии, такая онтология обладает несомненностью, очевидностью. Для них она, можно сказать, безальтернативна. С их точки зрения, другой онтологии просто не может быть, поскольку принятая ими онтология представляет собой не что иное, как обобщенный «взгляд естественных наук на мир».

Однако совсем нетрудно показать, что это отнюдь не так, что онтология, подразумеваемая авторами, которые отрицают реальность свободы человека, не является безальтернативной, что вполне возможны другие онтологии. Можно показать также, что среди этих – других – онтологий существуют такие, в которых преддетерминизм «не работает», которые, соответственно, вполне совместимы со свободой человека, со свободой воли человека в частности. Здесь важно еще раз подчеркнуть, что онтология преддетерминизма утверждает именно полную, однозначную детерминированность настоящего прошлым. И именно поэтому принятие преддетерминизма категорически исключает реальность свободы человека. Соответственно, когда я говорю об онтологиях, альтернативных онтологиям преддетерминизма и допускающих свободу человека, то я отнюдь не отрицаю наличия в них определенной (и даже значительной) степени детерминированности настоящего прошлым. Принципиальным отличием этих «альтернативных» онтологий является то, что в них настоящее не полностью определяется прошлым, что данное настоящее способно вносить свой вклад в последующее настоящее. Именно *неполная детерминированность настоящего прошлым*, а также *способность настоящего вносить свой вклад в последующее настоящее в «альтернативных» онтологиях и являются основаниями реальности свободы в мирах с такими онтологиями*.

Как мне представляется, упомянутая выше «очевидная» и «безальтернативная» онтология зиждется на постулате, согласно которому возможна одномерная темпорализация бытия универсума (мира). Возможность такой темпорализации является предположением, в соответствии с которым бытие универсума может быть упорядочено посредством одного единственного (универсального, общемирового) времени. Такую точку зрения я обозначаю термином «монотемпорализм». С такой точки зрения, все бытие универсума расщепляется данным настоящим на прошлое и будущее. В свою очередь прошлое в рамках такого подхода представляет собой бесконечное множество уже осуществленных состояний универсума, упорядоченное по степени удаленности этих состояний от настоящего. Аналогично дело обстоит в рамках такого подхода и с пониманием будущего: оно представляет собой бесконечное множество еще не осуществленных состояний универсума, упорядоченное по степени удаленности этих состояний от настоящего. Несомненно, что монотемпорализм дает чрезвычайно простую и весьма наглядную картину бытия универсума. Но, к сожалению, простота и наглядность отнюдь не гарантируют адекватности этой картины. Можно сказать, что монотемпорализм является реликтом ньютоновской науки с ее основополагающим конструктом абсолютного времени. А этот конструкт проистекает в свою очередь из теистической идеи о всемогущем Боге, способном каким-то чудесным

образом в каждое мгновение охватывать своим вниманием всю Вселенную и тем самым линейно упорядочивать ее состояния. Нетрудно показать также, что гипотеза монотемпорализма сталкивается в наше время со многими серьезными трудностями [Финогентов, 2012], в частности, именно принятие этой гипотезы делает свободу человека онтологически невозможной.

Самый главный недостаток монотемпорализма при обсуждении проблемы свободы заключается, на мой взгляд, в том, что в его рамках невозможна даже постановка вопроса о темпоральной структуре настоящего. Действительно, как уже сказано, в рамках такого подхода бытие универсума представляется в виде однонаправленного «шествия» состояний универсума из бесконечно удаленного прошлого в бесконечно удаленное будущее. Соответственно, настоящее состояние универсума («теперь») имеет с позиций такого подхода бесконечно малую длительность. Иначе говоря, настоящее здесь просто не имеет темпоральной структуры. И, естественно, что такое настоящее не может внести никакого собственного вклада в бытие, в частности, оно не способно породить ничего нового. Образно говоря, такое настоящее является бесплодным, оно является творчески бессильным. А поскольку поистине существует (бытийствует) только настоящее, постольку в мире, адекватно описываемом монотемпорализмом, вообще не осуществляется никакогоращения бытия. Всякое настоящее в таком мире однозначно определяется предшествующим настоящим и представляет собой лишь переход в столь же однозначно определяемое им следующее настоящее (следующее «теперь»), которое в свою очередь сменяется следующим однозначно определенным настоящим («теперь») и т.д. Так, что в мире монотемпорализма, очевидно, ни о какой свободе (воли) человека говорить не приходится. Ведь свобода (воли) человека состоит в том, что человек сейчас (в настоящем) может поступить так, но может поступить и иначе; она состоит в том, что человек сейчас (в настоящем) может внести свой собственный вклад в изменение своего бытия, а также в изменение его непосредственного окружения.

Я уже давно пишу о том, что такой подход – монотемпорализм – не является единственно возможным при описании и объяснении темпоральных свойств и отношений действительности [Финогентов, 2000]. Более того, по сути, при всей своей привлекательности, обусловленной его простотой и наглядностью, монотемпорализм является весьма примитивным подходом. По всей видимости, монотемпорализм более или менее адекватен только для описания и объяснения темпоральных характеристик весьма специфического мира. Такой мир я назвал в своих предшествующих работах миром Лапласа или миром конечного как такового [Финогентов, 1992]. Но монотемпорализм сталкивается с множеством трудностей и порождает множество неразрешимых проблем, когда его пытаются применить для описания и объяснения темпоральных свойств и отношений многообразно бесконечного (неисчерпаемого) универсума. На мой взгляд, современная философия и современная наука давно уже созрели для перехода от монотемпорализма к политемпорализму [Финогентов, 2018]. По моему мнению, политемпорализм может помочь в решении многих фундаментальных философских и научных проблем. В частности, как мне представляется, именно политемпорализм позволит нам в будущем достичь значительного продвижения в решении проблемы свободы.

В этой статье политемпорализм будет пониматься мной достаточно узко. В этом, узком, смысле политемпорализм представляет собой подход, в рамках которого утверждается необходимость использования для описания темпоральных свойств и отношений многоуровневой и многокачественной действительности многообразия качественно своеобразных времен. Даже такого, узкого политемпорализма достаточно, как будет показано ниже, для весьма убедительного опровержения позиции авторов, отрицающих реальность свободы (воли) человека. Более полное понимание политемпорализма, необходимое для более последовательного «спасения» свободы человека, исходит из того, что адекватное описание темпоральных свойств и отношений неисчерпаемого универсума требует не только использования многообразия качественно своеобразных времен, но и использова-

ния категорий мгновенности и вечности [Финогентов, 2012]. В данной статье я, во избежание необязательных сейчас деталей и сложностей, абстрагируюсь от этих важнейших темпоральных категорий.

Здесь следует сказать также, что гипотеза политемпорализма тесно связана со вполне определенным пониманием времени. А именно: принятие гипотезы политемпорализма диктуется пониманием времени как определенной характеристики (меры) некоторой процессуальности соответствующего субъекта бытия. А поскольку всякий реальный субъект бытия осуществляет множество разнокачественных процессов, постольку темпоральные свойства и отношения каждого субъекта бытия должны быть представлены множеством разнокачественных времен. Подчеркну, что в отличие от привычного – универсального, общемирового – времени, являющегося, по сути, внешней формой (мерой) существования различных процессов, свойственных некоторому субъекту бытия, эти разнокачественные времена являются внутренними формами (мерами) осуществления соответствующих процессов. Поэтому, несомненно, такие разнокачественные времена являются гораздо более адекватными темпоральными характеристиками соответствующих разнокачественных процессов.

Иными словами, в рамках гипотезы политемпорализма вводится, в частности, понятие собственного времени. Собственное время – это специфическое время, являющееся темпоральной характеристикой определенной процессуальности некоторого субъекта бытия. Поскольку, как уже сказано, каждый субъект бытия осуществляет множество различных процессуальностей, постольку этому субъекту бытия свойственно множество собственных времен, каждое из которых является более или менее адекватной мерой соответствующей процессуальности.

Соответствующее собственное время, таким образом, является адекватной мерой именно данной процессуальности, в том числе, мерой изменений субъекта бытия, являющихся следствием осуществления этой процессуальности. В частности, длительность некоторого отрезка инновационной процессуальности, измеряемая соответствующим собственным временем, определяется количеством инноваций, осуществленных в течение этого отрезка процессуальности. Таким образом, мы приходим к выводу, что результаты измерения длительности некоторого отрезка инновационной процессуальности, полученные на основе использования различных времен, могут очень сильно отличаться друг от друга. Так, если мы будем измерять эту длительность, используя внешнее для этого процесса время, то мы можем прийти к выводу, что эта длительность очень мала. Если же мы будем использовать для этого измерения соответствующее собственное время, то, скорее всего, мы придем к выводу о весьма значительной длительности интересующего нас отрезка процессуальности. Так, например, если мы в качестве субъекта бытия будем рассматривать человека, занимающегося поэтическим творчеством, то сможем заметить, что иногда в его жизни бывают особые, насыщенные творчеством, периоды. Такие периоды, если их измерять внешним (календарным) временем, могут быть достаточно краткими: дни, недели. Но если их измерять соответствующим собственным временем (количеством поэтических произведений, созданным этим человеком в такие периоды), то они будут весьма длительными. Вспомним в качестве иллюстрации к сказанному «Болдинскую осень» А.С. Пушкина, когда он в течение короткого (с точки зрения внешнего времени) периода создает около тридцати новых выдающихся произведений. Я полагаю, что в этом случае мы вполне правомерно и без всякой метафоричности можем говорить о том, что «Болдинская осень» была весьма длительной с точки зрения соответствующего собственного времени: времени, являющегося формой осуществления творческого (поэтического) процесса.

Не менее наглядна разница между внешним и собственным временами в применении их для темпоральной характеристики тех периодов в бытии некоторого субъекта, когда некоторая процессуальность, свойственная этому субъекту бытия, так сказать, пробуксовывает, то есть не ведет к каким бы то ни было изменениям этого субъекта бытия.

С точки зрения внешнего времени такие периоды могут быть достаточно длительными. Но с точки зрения соответствующего собственного времени темпоральная оценка таких периодов будет совершенно иной. Действительно, если «пробуксовывает» определенная процессуальность, свойственная рассматриваемому субъекту, то в некотором смысле «пробуксовывает», останавливается и соответствующее собственное время. Такую «пробуксовку» данного времени мы можем (и вновь без всякой метафоричности) интерпретировать как пребывание изучаемого субъекта бытия в настоящем, связанном с этим временем. Нетрудно заметить, что такое настоящее обретает некоторую конечную длительность. Причем длительность такого настоящего можно измерить, только воспользовавшись другим временем, например, внешним (календарным) временем. Дело в том, что рассматриваемое настоящее, разумеется, не имеет длительности с точки зрения «пробуксовывающего» собственного времени. Иными словами, только что сказанное можно выразить так: рассматриваемый субъект бытия, по сути, «завис» в этом собственном времени. Причем пребывание этого субъекта бытия в таком настоящем может продолжаться достаточно долго с точки зрения внешнего времени. И, что существенно, данный субъект бытия пребывает не в каком-то определенном моменте такого настоящего; он пребывает, так сказать, во всем этом настоящем; можно сказать, что он свободно перемещается в пространстве этого настоящего.

Рассмотрим, например, в качестве субъекта бытия некоего человека. Допустим, что в рассматриваемый период его бытия этот человек никак не может принять решение по важному для него вопросу. Разумеется, во многих других отношениях этот человек изменяется. То есть, он, мучительно обдумывая этот важный вопрос, осуществляет множество различных процессуальностей, в том числе, конечно, его головной мозг осуществляет множество электрохимических процессов. И, тем самым, этот человек непрерывно движется во многих собственных временах, связанных с осуществляемыми им процессуальностями. Но в некотором (существенном) отношении этот человек не изменяется до тех пор, пока он не примет решения по этому «важному» вопросу. Эта неизменность человека (в определенном отношении) и рассматривается мной как его пребывание в длящемся настоящем определенного типа, в настоящем, свойственном собственному времени, связанному именно с процессом принятия этим человеком решения по «важному» для него вопросу.

Сказанное позволяет выдвинуть гипотезу, которая, как мне представляется, способна выступить в качестве основы для обоснования реальности свободы (воли) человека. Сущность этой гипотезы состоит в том, что именно пребывая в таком – имеющем некоторую длительность – настоящем, субъект выходит из-под власти преддетерминизма. Иначе говоря, пребывая в таком настоящем, он не в полной мере определяется своим предшествующим состоянием. Это настоящее, таким образом, пусть в минимальной степени, находится во власти этого субъекта.

Пребывая в таком – имеющем некоторую длительность – настоящем, субъект становится способным к самоопределению, то есть он становится способным что-то изменить в своем бытии, он становится способен внести свой собственный вклад в свое бытие, он становится способен осуществить «приращение бытия». И, следовательно, пребывая в таком настоящем, он обретает способность осуществить акт свободы.

Понятно, что как только эта самодетерминация (принятие данным субъектом решения, осуществление им выбора и т.п.) осуществилась, так данный субъект существенно изменяется, и, следовательно, длившееся настоящее этого субъекта тотчас заканчивается. После этого такой субъект попадает в следующее свое настоящее, обладающее определенной длительностью. В этом – следующем – настоящем такого рода субъект может вновь внести некоторый вклад в изменение своего бытия; он может вновь осуществить акт свободы.

Выдвинутая мной гипотеза позволяет вернуться к рассмотрению самого сильного (эмпирического) аргумента авторов, отрицающих реальность свободы (воли) человека: к

работам нейропсихологов, в которых продемонстрировано, что выбор, совершенный мозгом человека, приблизительно на 300 миллисекунд опережает соответствующий сознательный выбор, сделанный этим человеком. Именно эти результаты, как мы помним, рассматриваются авторами, отрицающими реальность свободы (воли) человека, в качестве решающего аргумента в пользу их позиции. Несомненно, это серьезные результаты. Но сформулированная выше гипотеза позволяет, на мой взгляд, дать им совершенно иную интерпретацию.

Действительно, осмысливая эти результаты в свете нашей гипотезы, мы должны, прежде всего, спросить о каком времени здесь идет речь. Ответить на этот вопрос несложно: речь здесь идет об обычном (внешнем, календарном, физическом) времени, измеряемом обычными часами. Именно с помощью такого времени указанные выше нейропсихологи фиксировали моменты, в которые происходила, с одной стороны, соответствующая активизация головного мозга субъекта и, с другой стороны, этим субъектом осуществлялся сознательный выбор. С помощью такого же времени исследователи измеряли соответствующую длительность (в 300 миллисекунд), отделяющую момент сознательного выбора, совершаемого субъектом, от момента соответствующей активизации головного мозга этого субъекта. Однако в свете нашей гипотезы ясно, что использование одного и того же (к тому же внешнего) времени для темпоральной оценки электрохимических процессов, происходящих в головном мозге субъекта, и для темпоральной характеристики процессов принятия этим субъектом сознательного решения в общем некорректно. Использование нейропсихологами только такого – внешнего (физического) – времени является свидетельством того, что эти нейропсихологии сознательно или бессознательно стоят на позициях монотемпорализма и преддетерминизма, которые, как уже отмечено, изначально несовместимы с признанием реальности свободы (воли) человека. В частности, использование только такого – внешнего – времени не позволяет исследователям заметить наличие ддящегося настоящего у субъекта, принимающего сознательное решение. Использование только такого времени не позволяет понять, что здесь мы должны рассматривать, как минимум, два временных ряда. Один из них – это временной ряд, с помощью которого мы более или менее адекватно описываем ряд состояний головного мозга исследуемого субъекта. Этот ряд состояний фиксируется с помощью обычного (внешнего, физического) времени. И этот ряд состояний не детерминирует однозначно другой временной ряд. «Другой» временной ряд фиксирует последовательность генетически связанных друг с другом «ддящихся настоящих», в которых пребывает субъект, совершающий соответствующие сознательные выборы. Только использование этого – другого – временного ряда, использование соответствующего собственного времени позволяет обнаружить, что в каждом таком ддящемся настоящем субъект сознательного выбора может осуществить собственный вклад в свое бытие. Только использование соответствующего собственного времени позволяет увидеть акты свободы человека.

Разумеется, я прекрасно понимаю, что моя гипотеза о ддящемся настоящем, как онтологической основе возможности осуществления человеком актов свободы, нуждается в развитии и детализации. Я отчетливо осознаю также, что ее развитие и детализация потребует уточнения представлений о субъекте свободы, о том, кто, пребывая в ддящемся настоящем, способен внести изменения в свое собственное бытие: принять решение, сделать выбор, совершить поступок. Это чрезвычайно сложная задача! Мы до сих пор плохо представляем себе, кто именно является субъектом свободы. Мы до сих пор недостаточно отчетливо представляем, что стоит за понятиями «я», «самость» и т.п. Однако, по моему убеждению, это не является убедительной причиной для отрицания реальности такого субъекта. На мой взгляд, в первую очередь, это является основанием для еще более настойчивой и последовательной работы специалистов по прояснению природы этого субъекта. Развитие и детализация предложенной мной гипотезы, несомненно, потребует также уточнения представлений о том, как субъект свободы, пребывая в ддящемся настоящем, может сам изменить свое бытие. Это тоже сложнейшая проблема. Мы до сих пор не

знаем, как именно ценностно-смысловые структуры, свойственные субъекту свободы, способны повлиять, например, на телесную основу его бытия. И вновь это, как мне представляется, не является достаточным основанием для отрицания возможности и реальности такого влияния. Скорее, это является основанием для еще более интенсивного развертывания соответствующих научных и философских исследований.

Несомненно, что решение задачи уточнения представлений о субъекте свободы и о способах его самодетерминации потребует соединенных усилий представителей самых разных дисциплин (представителей нейронаук, психологов, философов и т.д.), поскольку такой субъект, несомненно, многоуровнев и многопроцессуален. И, конечно, эти уровни его бытия и процессуальности качественно отличаются друг от друга. Иными словами, наличие разнообразных связей между ними отнюдь не отрицает несводимости высших уровней бытия и процессуальности субъекта свободы к низшим уровням его бытия и процессуальности. По моему мнению, представители нейронаук, отрицающие реальность свободы (воли) человека, имеют в виду всего лишь один из уровней субъекта (человека). Они имеют в виду психофизиологического субъекта, прежде всего, они имеют в виду деятельность головного мозга человека. Чаще всего они абсолютизируют этот уровень бытия и процессуальности человека и практически полностью абстрагируются от социокультурного уровня его бытия и процессуальности.

Я уверен, что такое абстрагирование при обсуждении проблемы свободы абсолютно некорректно. В конце концов, свобода человека – это преимущественно феномен именно социокультурного уровня его бытия. Это обстоятельство хорошо иллюстрируется, например, одним знаменитым рассуждением Сократа. Я имею в виду то его рассуждение из платоновского диалога «Федон», в котором он спорит с попыткой объяснить поступки человека, исходя только из его анатомии и физиологии. «Да, клянусь собакой, эти жилы и эти кости, – восклицает он в последние часы своей жизни, – уже давно, я думаю, были бы где-нибудь в Мегарах или в Беотии...» [Платон, 1993, с. 57]. Другими словами, Сократ здесь говорит о том, что человек, «детерминированный жилами и костями», человек, сведенный к его анатомии и физиологии, давно бы уже совершил побег в преддверии своей неминуемой казни. Но человек (в данном случае – Сократ), как социокультурный субъект, руководствуясь своими убеждениями, руководствуясь своими представлениями о справедливом и должном, способен после некоторых колебаний принять решение остаться в тюрьме и дожидаться смертной казни. Тем самым он, преодолевая детерминации анатомического и физиологического уровня его бытия, сам определяет свой судьбоносный поступок и осуществляет тем самым акт свободы.

Список литературы

References

1. Газзанига М. 2017. Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии. М., АСТ: с. 13.
Gazzaniga M. 2017. Kto za glavnogo? Svoboda voli s tochki zreniya neyrobiologii [Who is in charge? Free will in terms of neurobiology]. M., AST: p. 13. (in Russian)
2. Кант И. 1965. Соч. в 6-и т., т. 4, ч. 2. М., Мысль: с. 54.
Kant I. 1965. Soch. v 6-i t., t. 4, ch. 2 [Op. in the 6th ton., vol. 4, part 2]. Mysl', p. 54. (in Russian)
3. Койн Д. 2017. Свободная воля // Эта идея должна умереть. Научные теории, которые блокируют прогресс. М., с. 224.
Koyn D. 2017. Svobodnaya volya // Eta ideya dolzhna umeret' [Free Will // This idea must die. Scientific theories that block progress]. Nauchnyye teorii, kotoryye blokiryuyt progress. M., s. 224. (in Russian)
4. Метцингер Т. 2017. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. М., с. 170.
Mettsinger T. 2017. Nauka o mozge i mif o svoem YA. Tonnel' ego [The science of the brain and the myth of its I. Tunnel ego]. M., p. 170. (in Russian)
5. Платон. 1993. Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. М., с. 57.
Platon. 1993. Sobr. soch. v 4-kh t. T. 2 [Coll. cit. in 4 t. T. 2]. M., s. 57. (in Russian)

6. Финогентов В.Н. 1992. Время, бытие, человек. Уфа, 221 с.
Finogentov V.N. 1992. Vremya, bytiye, chelovek [Time, being, man]. Ufa, 221 s. (in Russian)
7. Финогентов В.Н. 2000. И ропщет мыслящий тростник. Уфа. с. 142-173.
Finogentov V.N. 2000. I ropshchet myslyashchiy trostnik [And the thinking reed grumble]. Ufa. s. 142-173. (in Russian)
8. Финогентов В.Н. 2009. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., с. 132-143.
Finogentov V.N. 2009. Religioznyu renessans ili filosofiya gumanizma? Mirovozzrencheskiy vybor sovremennoy kul'tury [Religious renaissance or philosophy of humanism? The worldview choice of modern culture]. M., p. 132-143. (in Russian)
9. Финогентов В.Н. 2012. О темпоральной структуре акта свободы / Трагический гуманизм: очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орел. с. 151-167.
Finogentov V.N. 2012. O temporal'noy strukture akta svobody [On the temporal structure of the act of freedom] / Tragicheskiy gumanizm: ocherki ontologicheskiye, antropologicheskiye i aksiologicheskiye. Orel. p. 151-167. (in Russian)
10. Финогентов В.Н. 2018. От монотемпорализма к политемпорализму. Научные ведомости БелГУ», серия «Философия. Социология. Право». 43 (1):17-27.
Finogentov V.N. 2018. Ot monotemporalizma k politemporalizmu [From monotemporalism to polytemporalism]. Nauchnyye vedomosti BelGU», seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». 43 (1):17-27. (in Russian)
11. Фрит К. 2012. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М., с. 109.
Frit K. 2012. Mozg i dusha: Kak nervnaya deyatel'nost' formiruyet nash vnutrenniy mir [Brain and Soul: How nervous activity forms our inner world]. M., p. 109. (in Russian)
12. Хабермас Ю. 2011. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М., с. 143-171.
Khabermas YU. 2011. Mezhdu naturalizmom i religiyey. Filosofskiye stat'I [Between naturalism and religion. Philosophical articles]. M., p. 143-171. (in Russian)
13. Харрис С. 2018. Свобода воли, которой не существует. М., 110 с.
Kharris S. 2018. Svoboda voli, kotoroy ne sushchestvuyet [Free will, which does not exist]. M., 110 p. (in Russian)
14. Haggard P., Newman C., Magno E. 1999. On the perceived time of voluntary actions. *British Journal of Psychology*, 90 (Pt. 2), 291-303.
15. Libet B., Gleason C.A., Wright E.W., Pearl D.K. 1983. Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential): The unconscious initiation of a freely voluntary act. *Brain*, 106 (Pt. 3), 623-642.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Финогентов В.Н. 2019. К онтологии свободы. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (2): 202–212. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-203-212

Finogentov V.N. 2019. To the ontology of freedom. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries*. 44 (2): 202–212. (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-203-212